

Тетя Элла. Валькирия в гневе

— Дикарь. Упрямый дикарь. Когда же ты станешь человеком, Сергей Волков?

— В следующей жизни.

Тетя Элла скрестила руки на груди. Незаметно глянула в зеркальную дверь шкафа. Ей хотелось выглядеть внушительно. Получалось не очень. Воспитание современного подростка — ужасно трудная задача, и тетя с этой задачей не справлялась.

Сергей по-прежнему сидел на краешке дивана, опустив голову. Сжимал в руках свой телефон. И лишь иногда поглядывал на тетку искоса, холодными серыми глазами из-под темных бровей. Он был похож на сжатую пружину. Только на теткиной памяти эта пружина никогда не разжималась.

— Ты всегда со мной споришь, — сказала она племяннику. — И всегда смотришь на меня волком. Должно быть, это у вас фамильное.

Кажется, он усмехнулся. Тронул экран смартфона. «И зачем только дед подарил ему эту дрянь», — подумала тетка. Все равно он никому не звонит и ни с кем не разговаривает.

В саду за окном расцветали яблони. Коротко подрезанные кусты покрылись аккуратными листьями. Дорожки вокруг коттеджа были вымощены каменной плиткой. По утрам тётя собирала с дорожек улиток: складывала в деревянную миску и уносила подальше от дома, к пруду, где и выпускала на волю. На следующий день все повторялось. В этом не было смысла, зато был порядок.

Тетя Элла окинула племянника строгим взглядом. Покачала головой:

— Теперь ты молчишь. Я знаю, у тебя начался опасный возраст, Сергей. Но это не лучшее оправдание. Когда-то нам всем было столько же лет, сколько тебе. Ты не уникален. Ты просто упрямый эгоистичный тинейджер, даже не слишком талантливый. И если так пойдет дальше, то из тебя получится самый обыкновенный бездельник. Ты уж прости меня за такие слова. Что ни говори, я имею на это право.

Его ресницы дрогнули. Тетя Элла прищурилась. Неужели этот чертов рак-отшельник наконец выползет из своей скорлупы? Нет, нет. На это рассчитывать не приходится.

Она решила перейти в наступление:

— И все же скажи мне, почему ты обидел Веронику? Она до сих пор не хочет с тобой разговаривать. Заперлась на целый день в своей комнате. Тебе не кажется, что надо перед ней извиниться?

— Нет.

— Интересно, почему? — тетя Элла не на шутку рассердилась. — Интересно, почему ты ни во что нас не ставишь? Нет, мы не ждем от тебя благодарности за все, что мы для тебя сделали. Но хотелось бы знать, за что ты нас так ненавидишь?

— Неправда, — отвечал Сергей. — Я даже вас люблю. Немножко.

— Но ты не извинисься?

Он только покачал головой. Тогда тетя Элла вздохнула как будто даже с облегчением. Ну что же, мальчишка сам виноват. Пусть пеняет на себя, или что там еще говорят в подобных случаях.

В темном зеркале отражалась Элла Суровая. Элла Справедливая. Как валькирия из северных сказок.

— Ты сделал свой выбор, Сергей Волков, — сказала она. — Надеюсь, теперь ты не будешь удивлен, когда я расскажу тебе неприятные новости. На каникулах мы летим в Чайланд. Нам удалось снять очень славный и недорогой домик на берегу. Но ты вместо этого отправишься к своему деду в Белоруссию, в этот его чудесный заповедник, в Черный Лес. Старик не видел тебя два года. Вот пусть и посмотрит.

И потом, никто кроме него не справится с таким... зверенышем.

Сергей даже не пошевелился.

— И вообще... после того, как ты довел Веронику до слез, у меня пропало желание делать тебе дорогие подарки, — продолжала тетя Элла, и у нее неожиданно сел голос. — Гм. Кхм. Да и твои годовые оценки ниже всякой критики. Ты и сам это понимаешь. Может, на следующий год, когда ты возьмешься за ум...

— Я видел ваши билеты, — сказал вдруг Сергей. — Три недели назад.

— Ты? Видел билеты? Где ты их видел?

— В письме из турфирмы.

— Кто показал тебе письмо?

Сергей промолчал.

Тетя Элла слегка смутилась.

— Я догадываюсь, кто, — сказала она. — Хотя это не имеет значения. Твоя сестра поступила правильно. Она тоже желает тебе добра. Желает, чтобы ты понял...

— Я желаю только, чтобы он пошел к черту, — послышался голос из гостиной. — Пусть валит в свой поганый лес!

Еще секунда, и Вероника стояла в дверях. Ее просто трясло от злости. Еще бы: никто не должен был знать, что она читает почту взрослых. Мать никогда бы ей не позволила. Даже несмотря на то, что той уже шестнадцать.

— А еще я желаю, чтобы он знал: он тут вообще никто, — отчеканила Вероника. — Чертов нахлебник. Живет у нас из милости, а делает вид, будто он король саванны. Мы не обязаны бегать и подтирать за ним дерьмо, даже если его психи-родители завещали нам эту несказанную радость!

Сергей порывисто вскочил, и стало заметно, что он на полголовы выше своей тетки. Телефон он зажал в кулаке, как рукоять лазерного меча. Сестра взвизгнула и вылетела в холл. Дверь за ней захлопнулась, да так, что на кухне зазвенела посуда и, кажется, даже что-то разбилось.

Тетя Элла застыла посреди комнаты, как статуя.

— Это было не совсем правильно с ее стороны, — наконец выдавила она из себя. — Но...

Сергей что-то прошептал в ответ. И снова опустился на диван. Пружина сжалась.

Тетя Элла глядела на него, не говоря ни слова, и по ее глазам трудно было понять, о чем она думает.

Она сделала шаг и приблизилась. Прикоснулась к его плечу.

— У девочки тоже трудный возраст, — сказала она.

Сергей молчал.

— Видишь ли, Сережа... Конечно, сперва мы хотели поехать на каникулы все вместе. Но Ника была категорически против. Она сказала, что не хочет жить с тобой под одной крышей. Что ты ее пугаешь. Она

думает, что ты болен. Иногда ты кричишь по ночам... наверное, видишь страшные сны... я не считаю, что это серьезно, такое часто бывает в детстве, но я обязана обратить на это внимание, ведь правда?

Наверху, в комнате сестры, слышались шаги и приглушенные голоса, сразу несколько. Вероника болтала с кем-то по громкой связи, как обычно. У нее была целая куча друзей. И всем она растрезвонила про своего сумасшедшего брата.

Тетя Элла оглянулась.

Теперь из зеркала на нее смотрела совсем другая женщина. Усталая. Неуверенная. Еще неизвестно, которая из двух была настоящей.

— Надеюсь, ты простишь меня, Сергей, — сказала эта, вторая. — Дело зашло слишком далеко.

— Спасибо, тетя, — ответил мальчик. — Не нужно извинений. Я поеду к дедушке Герману. Хоть завтра.

— Похоже, ты не врешь, — сказала тетя Элла. — Ты ужасно сложный мальчишка, но ты не врун.

Сергей молча кивнул.

— Что ж, может, это и к лучшему. Там, в деревне, совсем не плохо. Тишина, покой, лесной воздух. Говорят, там поблизости снова открылся летний лагерь. Может быть, ты найдешь там новых друзей. Сколько можно гулять одному... и, конечно, отдохнешь от интернета... ума не приложу, что ты там находишь?

— Просто игры, — сказал Сергей.

— Игры? Какие, например?

Вместо ответа он показал тетке экран телефона. На нем происходили удивительные вещи. Стая волков сражалась с бурым медведем. Таких чудовищ тетя Элла никогда не видела: морда медведя была просто громадной, на пол-экрана, шерсть стояла дыбом, красные глазки светились. Волки наседали на него со всех сторон, но тот одним махом расшвыривал их в разные стороны, и они улетали за пределы видимого пространства. Вот жуткий медведь еще раз взмахнул когтистой лапой и распорол волку брюхо. Волчьи кишки полезли наружу, как фарш из лопнувшего пакета, а стекло забрызгало кровью изнутри. Черный волк — вожак стаи — беззвучно завыл.

— Боже мой, — только и сказала тетка.

— Это великая битва оборотней, — пояснил Сергей. — Последняя битва.

— Надеюсь, и правда последняя, хотя бы на сегодня, — заявила тетя Элла. — Хотела бы я посмотреть в глаза разработчикам этой игры. Кстати, как она называется?

Парень поднял глаза от экрана.

— Очень просто, — сказал он: — «Чернолесье».

Сергей Волков. Все тот же сон

Мне было даже немножко жаль тетю Эллу. Я не хотел ее огорчать.

Но могу себе представить, как бы она напугалась, если бы знала обо мне немного больше.

Хорошо, что она не знает.

Возможно, я и вправду болен. Мне часто снится один и тот же сон, вот уже несколько лет. Вероятно, это и следует называть кошмаром, хотя иногда мне кажется, что в жизни случаются вещи куда более страшные.

В этом сне я видел старый польский жилой вагончик, который до сих пор еще ржавеет во дворе у деда. Когда-то, в давние времена, родители прицепляли этот вагончик к «Ниве» и путешествовали. Я видел пластиковые стены, потертые кресла внутри, и холодильник, и стол с разбросанными картами,

и свои давно забытые игрушки: белого плюшевого щенка и пожарную машину. Получается, я и сам там был, в этом сне, только очень маленьким. Я смотрел на все это откуда-то сверху, со своей полки, занавешенной прочной сеткой, которую натягивали каждый вечер, чтоб я оттуда не вывалился и чтоб не закусали комары. Из-за этой сетки все, что я видел, казалось расплывчатым и нерезким. За окном висел предрасветный туман, и я отчего-то проснулся.

Да, я проснулся в этом чертовом сне и услышал, как кто-то ходит там — снаружи. Сухие сучья хрустели под чьими-то ногами, то тише, то громче. Фиолетовые тени скользили по стенам. Окно вдруг, как зимой, покрылось изморозью. Мне стало холодно, я сидел в своем гнезде из одеял и подушек, обмирая от ужаса. Кто-то остановился у двери. Взялся за ручку. Я слышал, как он сопит и возится с замком. Дверь подалась и понемногу начала отворяться. За ней клубился черный туман, и я понял, что больше всего на свете боюсь увидеть того, кто сейчас войдет. Я дико заорал и проснулся по-настоящему.

Черт!

Дверь отворилась, и заспанная Вероника появилась в моей комнате, в розовой пижаме не по росту.

— Ты что, совсем плохой? — спросила она сильным голосом. — Весь дом разбудишь.

Я молчал и хлопал глазами.

— Еще раз так заорешь, придушу подушкой. И вот что: кончай залипать в интернете до трех ночи.

Я не ответил. Или что-то ответил, не помню.

— Все маме скажу, — пообещала она и скрылась за дверью.

Тогда это случилось в первый раз. С тех пор я стал запирается на замок, Вероника тоже.

Мне ни с кем не хотелось говорить об этих снах. Разве что с дедом. Он как знал: прислал мне на Новый год самый передовой смартфон — не поленился заказать из своей деревни! Но почему-то я не решался ему звонить. Иногда посылал сообщения. Не уверен, что он их читал.

После нашего разговора с теткой дед вдруг позвонил сам.

— Привет, Серый, — сказал он мне.

Он почему-то любит называть меня «Серый» — очень старомодно. Он уверяет, что в его детстве у всех мальчишек были примерно такие клички, а нормально вообще никого не звали. Когда-то давно он жил в Сибири, и я готов поверить, что правила жизни там достаточно суровые.

В Сибири он тоже работал лесником. Только лес там был совсем другой. В этой глухой тайге жили во множестве волки и медведи, а морозы стояли такие, что сопли замерзали на лету, как сочно рассказывал дед.